

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 3 (120). С. 124–134.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 3 (120), pp. 124–134.

Научная статья

УДК 81'362

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-3-120-11>

EDN: IKBLLV

**Анализ семантического поля «время» в языковом сознании
(на материале немецкого и адыгейского языков)**

Асвят Джираслановна Лоова¹, Фатима Каплановна Уракова^{2✉}

^{1,2}Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Россия

¹rita.loov2011@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0006-1283-1727>

²urakova.fatima@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4036-4346>

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении и описании семантических особенностей поля «время» в немецком и адыгейском языках. Значимость изучения понятия времени в языковом сознании немцев и адыгейцев не вызывает сомнений, поскольку в человеческом сознании реальный мир воспринимается через призму времени. В плане отношения ко времени определяются и уточняются культурные ценности того или иного народа. В работе проанализирован лексический корпус со значением временного пространства, охарактеризовано отношение ко времени как к объективной действительности. Показано, что время играет важную роль в построении языковой картины мира и имеет широкие грамматические и стилистические возможности функционирования. Новизна исследования заключается в выявлении и анализе особенностей репрезентации восприятия времени в немецкой и адыгейской национальных картинах мира. Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении средств и способов репрезентации времени как фрагмента разных языковых картин мира. Результаты проведенного исследования могут найти применение в вузовских курсах лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, в практике преподавания немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: цикличность восприятия времени, категория времени, языковая картина мира, национальная картина мира, монохронная культура, полихронная культура, разносистемные языки, индоевропейская языковая семья, иберийско-кавказская языковая семья

Для цитирования: Лоова А. Д., Уракова Ф. К. Анализ семантического поля «время» в языковом сознании (на материале немецкого и адыгейского языков) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 3 (120). С. 124–134. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-3-120-11>; EDN: IKBLLV

Analysis of the semantic field "time" in linguistic consciousness
(based on the material of the German and Adyghe languages)

Assiat Dzh. Loova¹, Fatima K. Urakova²✉

^{1,2}Adyghe State University,
Maykop, Russia

¹rita.loov2011@yandex.ru, [http:// orcid.org/ 0000-0006-1283-1727](http://orcid.org/0000-0006-1283-1727)

²urakova.fatima@mail.ru, [http:// orcid.org/ 0000-0003-4036-4346](http://orcid.org/0000-0003-4036-4346)

Abstract. The purpose of the article is to study and describe the semantic features of the field "time" in the German and Adyghe languages. The importance of studying the concept of time in the linguistic consciousness of Germans and Adygeans is beyond doubt, since in human consciousness the real world is perceived through the prism of time. In terms of attitude to time, the cultural values of particular people are determined and clarified. The paper analyzes the lexical corpus with the meaning of time space, characterizes the attitude to time as an objective reality. It is shown that time plays an important role in the structure of the linguistic picture of the world and has broad grammatical and stylistic possibilities of functioning. The novelty of the research lies in identifying and analysing the representation of time perception in the German and Adyghe national pictures of the world. The theoretical significance of the study is to identify the means and ways of representing time as a fragment of different linguistic pictures of the world. The results of the study can be used in university courses of linguoculturology, cognitive linguistics, in the practice of teaching German as a foreign language.

Keywords: cyclical perception of time, category of time, linguistic picture of the world, national picture of the world, monochronic culture, polychronic culture, multi-system languages, Indo-European language family, Iberian-Caucasian family

For citation: Loova A. Dzh., Urakova F. K. Analysis of the semantic field "time" in linguistic consciousness (based on the material of the German and Adyghe languages). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 3 (120), pp. 124–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-3-120-11>; EDN: IKBLLV

Введение

В условиях современного развития национальных языков наблюдается повышенный интерес ученых-лингвистов и философов к проблеме взаимоотношения языка и культуры, места человека в культуре, языковой личности. Общеизвестно, что языком фиксируются все культурные изменения, происходящие в том или ином этносе. Язык любой эпохи, любого народа представляет собой результат сложнейшего процесса мышления и словотворчества многих поколений.

М. М. Маковский определяет язык как «барометр, который точно отражает все колебания и особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления, в нем как в зеркале, непосредственно отражаются различные модели “видения мира”, характерные для отдельных человеческих коллективов на протяжении их истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и форм»¹.

¹ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. Москва: Владос, 1996. С. 16.

Изучение того или иного языкового явления в движении позволяет осмыслить пути развития человеческого мышления. Каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Как утверждает В. В. Красных, «то, что культура “включена” в язык, — факт неоспоримый, поскольку язык как средство коммуникации вбирает в значения все, что связано с культурно-традиционной компетенцией ее носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение»¹.

Именно исследование взаимосвязи языка и культуры помогает зафиксировать и понять специфику функционирования ключевых понятий любого языка. В этом отношении следует признать языковую проблему категории времени в контексте культуры весьма актуальной в каждом языке.

Через восприятие времени определяется культура, мироощущение, миропонимание, ценности народа, поэтому понятие «время» является объектом исследования во многих научных изысканиях.

В данном исследовании мы ставим целью проанализировать лексические единицы со значением временных параметров на материале немецкого и адыгейского языков для выяснения их значимости и выявления универсальных и специфических особенностей данного пласта лексики в лингвокультурном пространстве. Отношение ко времени показывает национально-культурную специфику содержания понятия «время», эксплицируемое активно в системе языка. Ни одна сфера человеческой деятельности не функционирует вне временного пространства. Время как регулятор играет важную роль в повседневной жизни того или другого социума, поэтому исследование понятия времени с точки зрения лингвистической науки представляется нам перспективным в плане познания механизмов человеческого мировосприятия в целом.

Задача данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть и обозначить спектр и механизмы порождения новых смыслов времени в лингвокультурном пространстве на материале немецких и адыгейских языковых единиц разных уровней.

Рассматривая языковую картину мира, проблему взаимоотношения языка и культуры, авторы данной статьи обратились к концепциям и идеям отечественных и зарубежных ученых в рамках различных научных школ и руководствовались методологическими и научными трудами по исследуемой теме (М. М. Маковский, Н. Д. Арутюнова, А. Я. Гуревич, Э. Холл и др.)².

Практический языковой материал представлен лексическими единицами из толковых и фразеологических словарей немецкого и адыгейского языков. Авторами статьи были проанализированы двуязычные и толковые словари разных издательств:

¹ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. Москва: Гнозис, 2002. С. 12.

² Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. Москва: Владос, 1996. 415 с.; Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1972. С. 5–138; Hall Edward T. The Silent Language. New York: Doubleday, 1959. 240 p.

большой немецко-русский словарь (Е. И. Лепинг, М. Я. Цвиллинг), немецко-русский фразеологический словарь (А. В. Болдачев, Л. Э. Бинович), адыгейско-русский словарь (Ж. А. Шаов), фразеологический словарь адыгейского языка (Ю. А. Тхаркахо), философский энциклопедический словарь (Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев), энциклопедический словарь социологии религии (М. Ю. Смирнов)¹.

В исследовании авторами статьи применялись следующие методы: синхронно-описательный метод, сопоставительный метод, семантический анализ для определения значения лексических единиц, фразеологический анализ для выяснения семантики фразеологических единиц, а также такие общенаучные методы, как наблюдение, обобщение, интерпретация.

Основная часть

Раскрытие понятия времени – сложный процесс в силу своей абстрактности, поэтому на протяжении истории человечества познанием времени занимаются ученые самых разных научных направлений. Так, с точки зрения философии, «время – это энергетическая структура, управляющая развитием материи, самым движением физических процессов материального мира. Время состоит из прошлого, настоящего и будущего»².

С точки зрения религии существуют различные толкования понятия времени. Например, «в буддизме, время циклично. Циклизм исключает начало и конец времени, характеризуется повторяющимися циклами создания, разрушения и возрождения. В исламе и христианстве время линейно, то есть оно имеет начало и конец и ограничено историей человечества»³.

Таким образом, «чувство времени основано на восприятии природных циклов, психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее. Это членение вытекает из главного условия, определяющего положения человека в мире: скрытостью от него будущего, известностью (пережитостью) прошлого и данностью (переживаемостью) настоящего»⁴.

По мнению А. Я. Гуревича, «наряду с такими понятиями, как “пространство”, “причина”, “судьба”, “время” принадлежит к определяющим категориям челове-

¹ Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / составители Е. И. Лепинг, М. Я. Цвиллинг, Н. И. Филичева. Москва: Просвещение, Дрофа, 2010. 2082 с.; Немецко-русский фразеологический словарь. Москва: Аквариум, 1995. 768 с.; Шаов Ж. А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1975. 440 с.; Тхаркахо Ю. А. Фразеологический словарь адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1980. 199 с.; Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. Mannheim; Wien; Zurich, 1977; Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. Москва: АН СССР, 1953. 216 с.

² Философский энциклопедический словарь / составители Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

³ Энциклопедический словарь социологии религии / под редакцией М. Ю. Смирнова. Санкт-Петербург: Платоновское общество, 2017. 508 с.

⁴ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 688.

ского сознания, которые в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании»¹.

В современной лингвистической литературе время интерпретируется как достаточно сложная проблема, поскольку время как категория языка располагает возможностью затрагивать все уровни языка.

Рассматривая понятия времени в рамках данной статьи, отметим, что исследуемые языки, а именно немецкий и адыгейский, являются представителями разных языковых групп и разных структурно-типологических классов. Немецкий язык относится к флективным языкам с сильной аналитической тенденцией. Сложные глагольные формы в данном языке являются аналитическими образованиями. Адыгейский язык – это язык, относящийся к консонантному типу, для грамматического строя которого характерна высокая степень синтеза со значительными элементами агглютинации. Имеет место и такой специфический фактор, как различная степень структурно-типологической устойчивости. В соответствии с перечисленными специфическими особенностями грамматического строя данных языков организуется то или иное языковое явление, но рядом с этими и другими различиями немецкого и адыгейского языков налицо близость и общность основных грамматических понятий. В этом плане сходством в обоих языках обладают лексико-грамматические классы слов: существительного, глагола, прилагательного и др., а также их основные семантико-функциональные характеристики.

Также проблему времени в исследуемых языках можно рассматривать на различных языковых уровнях, как в немецком, так и в адыгейском языках. К примеру, на уровне морфологии время выражается в исследуемых языках формами глагола: *lese / las; седжэ / седжагъ* (читаю, читал); степенями сравнения прилагательных *in früheren Zeiten / нахънэрэ земапыр* (в более ранние (былые) времена)). Лексические единицы временной семантики организуются с помощью наречий времени на лексическом уровне: *heute / morgen; nen / нэуц* (сегодня, завтра). В данных языках лексические единицы, в которых заложена временная принадлежность, объективируются метафорами на стилистическом уровне и имеют возможность подчеркивать оценочное восприятие времени: *die Zeit ist Bewegung* (время, движение); *уахътэр махъэ* (время бежит).

Проведенный лексикографический анализ ощущения времени по интенсивности от менее сильного к более сильному выглядит в немецком языке таким образом: *Augenblick* (миг, момент); *Moment* – (момент); *Sekunde* – (секунда); *Minute* (минута); *Stunde* (час); *Zeitraum* (период); *Zeittrecke* (промежуток времени); *Zeitraum* (срок); *Etappe* (этап); *Spieldauer* (продолжительность); *Tag* (день); *Tag und Nacht* (сутки); *Woche* (неделя); *Monat* (месяц); *Jahr* (год); *Jahrhundert* (век); *Zeitalter* (эпоха, век, эра); *Ära* (эра); *Jahrtausend* (тысячелетие).

В упрощенном виде, при использовании пяти основных базисных понятий, обозначения времени располагаются следующим образом: *Augenblick; Stunde; Monat; Jahr; Jahrhundert*.

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1972. С. 80.

В адыгейском языке: *нэупІэпІэгъу* (миг), *напІедзыхыгъу* (в мгновение ока), *такъикъ* (минута), *пІалъэ* (час, срок), *сыхъат* (час), *мафэ* (день), *зы чэц / зы маф* (сутки), *тхъамафэ* (неделя), *мазэ* (месяц), *илъэс* (год), *лэшІэгъу* (столетие), *уахътэ* (время), *лэъхъанэ / уахътэ* (определенная пора), *зэман* (эпоха), *илъэс мин* (тысячелетие). В упрощенном виде: *нэупІэпІэгъу* (миг), *сыхъат* (час), *мазэ* (месяц), *илъэс* (год), *илъэсишъ* (век).

Как в немецком языке, так и в адыгейском существует группа лексических единиц, обозначающих промежутки времени в сутках. Так, в немецкие названия основных частей суток входят следующие лексические единицы: *der Morgen* (утро), *der Mittag* (обед), *der Abend* (вечер), *der Vormittag* (первая половина дня), *der Nachmittag* (вторая половина дня), *der Tag* (день), *die Nacht* (ночь), *die Mitternacht* (середина ночи), *der Feierabend* (конец рабочего дня).

В адыгейском языке основные названия частей суток выглядят таким образом: *пчэдыжъ* (утро), *щэджагъу* (обед), *пчыхъашъхъ* (вечер), *щэджэгъоуж* (вторая половина дня), *мафэ* (день), *чэц* (ночь), *чэщыбг* (середина ночи).

Итак, сутки в немецком понимании представляются 9 основными обозначениями, поскольку суточное время в немецком языке делится на время до обеда (*der Vormittag*), на время после обеда (*der Nachmittag*) и на время, подчеркивающее конец рабочего дня (*der Feierabend*). В адыгейском языке данные обозначения отсутствуют.

Интересно заметить, что в рассматриваемых языках некоторые обозначения частей суток могут быть связаны с положением солнца, луны или с другими природными явлениями. В немецком языке: *der Sonnenaufgang* (рассвет), *das Morgenrot* (утренняя заря), *der Tagesanbruch* (наступление дня), *der Mittag* (полдень), *der Sonnenuntergang* (закат), *das Dämmerlicht* (сумерки). В адыгейском языке: *сэбахъ* (рассвет), *нэфыль* (утренняя заря), *нэфшъагъу* (рассвет), *ечэндэ* (послеобеденное время), *ахъшам* (вечернее время, после захода солнца), *джацы* (вечернее время), *чэпэзэхъогъу* (сумерки).

Таким образом, в рассматриваемых языках категория времени располагает достаточно широким диапазоном употребления лексических единиц, характеризующих пространство времени. В этом смысле время можно рассматривать как универсальную категорию, с одной стороны, но с другой, существуют разные подходы к восприятию времени в зависимости от той или иной культуры.

В основе немецкой и адыгской культур, как и в большинстве древних цивилизаций, лежала циклическая модель восприятия времени. Объяснением такого восприятия времени являлась полная зависимость от наблюдений за климатическими условиями, за сельскохозяйственными видами работ, которые периодически повторялись. Таким образом, символом циклического времени в данных культурах было движение по кругу, поэтому в лексике немецкого и адыгейского языков можно найти примеры, характеризующие цикличность восприятия времени. Например, месяцы у германцев носили названия, указывающие на сельскохозяйственные и другие виды труда: *Heuet / Heumonat* (месяц косьбы – июль); *Erntemonat* (месяц жатвы – август); *Weinmonat* – (месяц сбора винограда – октябрь).

В адыгейском языке также встречаются слова, которые отражают цикличность времени. Например, *хыныгъу* (время жатвы), *мэкъуоныгъу* (время покоса – июнь), *бадзэуэгъуэ зэман* (время мух – июль), *Ионыгъу* – (время урожая – сентябрь), *чъэпыогъу* (время выпадения росы – октябрь) и др.

Так, временное понятие, формируясь в сознании человека, способно выступать в ценностно-смысловом значении в том или ином этносе. Ценность использования времени постигается в ходе освоения той или иной культуры.

В этом смысле, сельскохозяйственные и природные циклы представляют ценность как повторяющиеся действия на регулярной основе в рассматриваемых культурах.

Однако циклизм начинает терять свое значение, и постепенно появляется линейное восприятие времени. По данной концепции время существует в определенной направленности, т. е. имеет начальную точку – момент сотворения мира и конечную – возвращение мира к творцу. Языковое восприятие времени строится в соответствии с моделью, где центральной фигурой выступает сам человек, в частности его отношение к значимости времени для общества, трудовой деятельности в рамках своей культуры. Вследствие этого, та или иная культура имеет свое представление о времени и отображает это восприятие в языке, которое в разных культурах выглядит неодинаково, что часто приводит к недоразумениям.

Данную проблему исследовал американский культуролог Э. Холл, который выдвинул две концепции времени – монохронную и полихронную. Согласно исследованиям Э. Холла, «представители монохронной культуры подчиняются жестко временным параметрам, то есть пунктуальность и точность выступают главными ориентирами в их поведении. И такое восприятие времени, подтвержденное некоторыми исследованиями, относится к культурам Германии, США и ряда североευропейских стран»¹. В связи с этим в немецкой культуре как монохронной высоко ценится время в рамках дисциплины, порядка (*Ordnung*): *Ordnung regiert die Welt* (порядок правит миром); *Ordnung im Haus ist halbes Sparen* (порядок в доме – это половина экономии); *nimm deine Zeit wahr!* (береги свое время!); *Zeit ist Geld* (Время – это деньги); *Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss nehmen, was übrigbleibt* (кто не придет вовремя, тот должен взять то, что осталось).

В немецком языке лексическая единица ‘*der Termin*’ (назначенная встреча, срок исполнения, дата) вербализуется достаточно широко, поскольку рациональность использования времени является характерной чертой немецкой моноактивной культуры. По этой причине в немецком языке можно услышать: *Ich habe keine Zeit, ich muss gehen, ich habe einen wichtigen Termin* (у меня нет времени, мне нужно идти, у меня важная встреча). При этом подразумевается любая встреча, как официальная, так и неофициальная.

Время, таким образом, занимает особое место в немецкой культуре и является одним из регуляторов уклада жизни и ритма человеческой деятельности. Э. Холл в связи с этим писал: «В полихронной культуре точное соблюдение времени не является жестким принципом в жизненных ситуациях, поэтому возникают опоздания,

¹ Hall Edward T. The Silent Language. New York: Doubleday, 1959. С. 12.

несоблюдения тех или иных временных графиков. К данной культуре относят, как известно, культуры стран Латинской Америки, Ближнего Востока, Средиземноморья и России»¹.

Не оспаривая правомерности такой точки зрения, следует вместе с тем, как нам кажется, обратить внимание на лексическую единицу ‘*пlалъэ*’ (срок) в адыгейском языке. В адыгской культуре понятию “*пlалъэ*” придается большое значение. Оно может означать и обещание, и взаимное согласие по установлению срока, по его выполнению, поэтому часто говорят: *Плалъэр тlо атырэн / пlалъэр тlо атмэ, пlэлъэжьэп* (срок два раза не дают; если срок дали два раза, то это уже не срок). Понятие “*пlалъэ*” используется также в контексте, если речь идет о свадьбе, встрече, т. е. девушка и парень дают друг другу “*пlалъэ*” – устанавливают срок свадьбы. В адыгской культуре, таким образом, понятие “*пlалъэ*” выступает как важнейший организующий фактор, показатель уклада жизни, и кто нарушает “*пlалъэ*”, тот вызывает презрение.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие ценностное отношение адыгов к понятию времени: *Уахътэр дышгъэм нахъи нахъ лъапl* (Время дороже золота); *Мафэр мэгъуае* (День работает на себя); *Жъэу къэтэджыгъэмрэ кlалэу къэзыщэгъэмрэ кlэгъожьыгъэп* (Кто рано встает и кто рано женится, не жалеют об этом); *Непэрэ Иофыр нэуц емыгъаж* (Не откладывай дело на завтра).

Интересно заметить, что некоторые лексические единицы в значении временного параметра в адыгейском языке могут содержать названия частей тела и выступать как одушевленное лицо, так слово *гъэтхалэ* (март) состоит из двух компонентов «весна и нос», т. е. начало весны; *чэцъыбг* («ночь и поясница»), т. е. полночь.

В различных ситуациях, относящихся к душевным переживаниям, время используется как показатель некоторой экспрессии, например, *гузэжьыгъу* (момент времени, когда сужается сердце от волнения, переживания).

Данные примеры приводят нас к выводу о том, что в рамках одной культуры могут обнаруживаться различные вариации восприятия времени. Следовательно, теория Холла рассматривает не все восприятие времени носителями той или иной культуры, а объясняет типичные черты по отношению ко времени в том или ином типе культуры.

Объяснение этого языкового явления исходит из субъективной оценки времени и зависимости от эмоциональных состояний, в которых мы зачастую пребываем в момент определенного промежутка времени. Иными словами, если то или иное событие незначительно, нам кажется, что время тянется, оно идет медленно, но, если перед нами стоит много задач, много дел и мы много переживаем, нам кажется, что время проходит очень быстро.

Все вышесказанное свидетельствует о значимости понятия времени в той или иной культуре. Представления о времени, сформировавшиеся в сознании того или другого народа, воплощаются в языковую систему и становятся проблемой языка, поэтому доступ к пониманию времени возможен только посредством языка.

¹ Hall Edward T. The Silent Language. New York: Doubleday, 1959. С. 18.

Таким образом, «время – форма бытия материи, выражающая длительность ее существования; последовательность смены состояний в изменении и развитии всех материальных систем; одномерность, необратимость, направленность от прошлого к будущему, конкретность периодов существования тел от возникновения до перехода в новые формы, одновременность событий, асимметричность»¹.

В системе немецкого и адыгейского языков лексические единицы, связанные с параметрами измерения времени, используются достаточно продуктивно. Лексика данного пласта занимает особое место в процессе коммуникации и регулярно вербализуется, поскольку отражает сложную систему субъективного: эмоционального, нравственного измерения картины мира и внутренней духовной жизни каждого индивида.

Выводы

На основе приведенных рассуждений дефинируем пространство времени следующим образом: в значительной степени время – категория универсальная. В немецкой и адыгейской лингвокультурах время определяется в контексте ценностных ориентиров, которые зависимы от восприятия времени носителями данных языков. Временные параметры призваны выявить национальную специфику, проявляющуюся в различных способах выражения, степени подробности или обобщенности в подборе лексем, фразосочетаний, номинирующих понятие времени на уровне абстракции, которые актуальны для мышления и общения. В рассматриваемых языках временные параметры обнаруживаются на морфологическом, лексическом, стилистическом уровнях. Однако языковые факты позволяют заметить, что в немецком языковом сознании время выступает в большей степени в контексте с такими понятиями, как порядок, пунктуальность, планомерность. Этот факт и объясняет то, что лексема 'Zeit' (время) чаще всего используется как абстрактное понятие, а не как номинант измеряемого отрезка времени.

Отношение к понятию «время» и отображающие его языковые средства в адыгейской лингвокультуре показывают значимость данного понятия в контексте понятия «честь».

Таким образом, в зависимости от доминирующей роли тех или иных представлений о времени в той или иной культуре, между людьми устанавливается взаимопонимание, что обеспечивает успех в общении.

Список источников

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
- Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / составители Е. И. Лепинг, М. Я. Цвиллинг, Н. И. Филичева. Москва: Просвещение, Дрофа, 2010. 2082 с.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1972. 318 с.

¹ Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. Москва: Гнозис, 2002. С. 181.

- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. Москва: АН СССР, 1953. 216 с.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. Москва: Владос, 1996. 415 с.
- Немецко-русский фразеологический словарь. Москва: Аквариум, 1995. 768 с.
- Тхаркахо Ю. А. Фразеологический словарь адыгейского языка: Около 1700 фразеологизмов. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1980. 199 с.
- Философский энциклопедический словарь / составители Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
- Шаов Ж. А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1975. 440 с.
- Энциклопедический словарь социологии религии / под редакцией М. Ю. Смирнова. Санкт-Петербург: Платоновское общество, 2017. 508 с.
- Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. Mannheim; Wien; Zurich, 1977.
- Hall E. T. The Silent Language. New York: Doubleday, 1959. 240 p.

References

- Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1999. 896 p.
- Bol'shoi nemetsko-russkii slovar': v 2 t.* [Big German-Russian Dictionary: in 2 vol.; compiled by E. I. Leping, M. Y. Tsvilling, N. I. Filicheva]. Moscow: Prosveshchenie, Drofa, 2010. 2082 p.
- Gurevich A. Ia. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskustvo, 1972. 318 p.
- Kosven M. O. *Ocherki istorii pervobytnoi kul'tury* [Essays on the history of primitive culture]. Moscow: AN SSSR, 1953. 216 p.
- Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia. Lektsionnyi kurs* [Ethnopsycholinguistics and Linguocultural Studies. Lecture course]. Moscow: Gnozis, 2002. 284 p.
- Makovskii M. M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeiskikh iazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. Image of the world and worlds of images]. Moscow: Vlados, 1996. 415 p.
- Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [German-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Akvarium, 1995. 768 p.
- Tkharkakho Iu. A. *Frazeologicheskii slovar' adygeiskogo iazyka: Okolo 1700 frazeologizmov* [Phraseological dictionary of the Adygean language: About 1700 phraseological units]. Maikop: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. 199 p.
- Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary; compiled by L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev]. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia, 1983. 839 p.
- Shaov Zh. A. *Adygeisko-Russkii slovar'* [Adyge-Russian Dictionary]. Maikop: Adygeiskii nauchno-issledovatel'skii institut, 1975. 440 p.
- Entsiklopedicheskii slovar' sotsiologii religii* [Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion; ed. by M. Y. Smirnov]. St Petersburg: Platonovskoe obshchestvo, 2017. 508 p.
- Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. Mannheim; Wien; Zurich, 1977.
- Hall E. T. *The Silent Language*. New York: Doubleday, 1959. 240 p.

Сведения об авторах

Асвят Джираслановна Лоова – кандидат филологических наук, доцент; <http://orcid.org/0000-0006-1283-1727>, rita.loov2011@yandex.ru, Адыгейский государственный университет (д. 208, ул. Первомайская, 385000 Майкоп, Республика Адыгея, Россия); **Assiat Dzh. Loova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, [http:// orcid.org/0000-0006-1283-1727](http://orcid.org/0000-0006-1283-1727), rita.loov2011@yandex.ru, Adyghe State University (208, ul. Pervomayskaya, 385000 Republic of Adygea, Maykop, Russia).

Фатима Каплановна Уракова – доктор педагогических наук, профессор кафедры предметной и профессиональной подготовки педагога; <http://orcid.org/0000-0003-4036-4346>, urakova.fatima@mail.ru, Адыгейский государственный университет (д. 208, ул. Первомайская, 385000 Майкоп, Республика Адыгея, Россия); **Fatima K. Urakova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Subject and Professional Teacher Training, [http:// orcid.org/0000-0003-4036-4346](http://orcid.org/0000-0003-4036-4346), urakova.fatima@mail.ru, Adyghe State University (208, ul. Pervomayskaya, 385000 Republic of Adygea, Maykop, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted 17.10.2023; Approved after reviewing 19.01.2024; Accepted for publication 02.02.2024.